

Н. А. Косяк

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СЕВЕРНОМ ПОСЕЛКЕ
(На примере с.п. Териберка Кольского района
Мурманской области)**

Представления об экологических рисках, связанных с различными аспектами природных и техногенных изменений, таких как потепление климата, последствия катастроф и т.п., становятся все более актуализированными. В настоящее время существует целый ряд работ по оценке последствий развития энергетической промышленности для коренного населения, выполненных в русле юридической антропологии [Люди Севера... 2008; Гулдин 2008; Наттэл 2008; и др.]. Фактически вся традиция подобных экспертиз разработана на правовом материале для коренных малочисленных народов или аборигенных групп. Одним из немногочисленных исключений является исследование социологов ЦНСИ [Тысячнюк, Тулаева, Ландонио 2012], целенаправленно рассматривающее ситуацию в поселках не только среди коренных малочисленных народов.

Данная работа основана на полевых материалах 2012 г., наблюдении и интервью с жителями поселка, собранных в сельском поселении Териберка Кольского района Мурманской области, а также на доступных материалах экспертиз и общественных слушаний по проекту разработки Штокмановского газоконденсатного месторождения (ШГКМ). Мы рассматриваем представления и ожидания, так или иначе связанные с потенциальным приходом энергетической промышленности, и функционирование в сообществе привнесенного экологического знания о потенциальных рисках энергетики, а также то, как на экологические представления влияет ситуация длительной неопределенности в отношении сроков и самой реализации проекта.

Данный северный поселок¹ является рыболовецким. Экономика в достаточной степени зависит от природных ресурсов, таких как рыбные ресурсы, морская фауна, ягодники. Этот поселок в ближайшем будущем предположительно может в серьезной мере затронуть процесс промышленного освоения территории. В рамках проекта разработки ШГКМ в непосредственной близости от села было запланировано строительство завода по сжижению природного газа. Размещение крупного промышленного предприятия вызовет не только экономические и социальные, но и экологические трансформации.

Сам факт реализации проекта по разработке ШГКМ на лето 2012 г. воспринимался жителями поселка неоднозначно и не являлся окончательно решенным. Регулярные переносы сроков начала строительства и ввода в эксплуатацию объектов усугубили ситуацию неопределенности не только в связи с календарем работ, но и с самой возможностью реализации проекта. Диапазон ожиданий от предстоящего прихода энергетической промышленности широк. Он включает весь спектр — от надежд на будущий экономический расцвет поселка до резко негативного отношения к самой идее вмешательства и прихода на эту территории какой-либо компании. Но большинство респондентов выражают индифферентное отношение, обусловленное главным образом длительным состоянием неопределенности и отчасти недостатком актуальной информации. По итогам нескольких лет (с 2009 г.), экономические ожидания в большей степени уходят в область недоверия или индифферентного отношения, основываясь на невыполнении компанией в силу разных причин изначальной обещанной социальной программы.

Для экологических ожиданий характерна однородная негативная оценка последствий развития энергетики. В качестве основных линий можно выделить следующие: 1) перемены при промышленном освоении неизбежны; 2) эти перемены могут привести только к ухудшению ситуации с биоресурсами.

¹ Общая численность сельского поселения на 2012 г. составляла около 1100 человек, из которых примерно 300 проживают в старой части поселка, остальные — в новом поселке. Среди населения есть несколько саамских семей — представителей коренного малочисленного народа Севера.

«Они как-то проговаривали это для населения? — Проговаривали. Я так думаю, что все равно экология нарушилась» (ж.)¹.

Однако оценка воздействий как негативных не обязательно распространяется на оценку промышленности в целом и на конкретный проект по разработке ШГКМ.

«Разработки идут, они обещают, что ничего не будет. Но вы понимаете, если это определенная какая-то зона должна разместиться под заводом, то есть эта территория, значит, уже ущерб какой-то будет. Но, с другой стороны, говорят, если это не делать, так и строительства не может быть, если что-то не убрать, правильно?» (ж.)

Положительное в целом отношение к промышленному развитию апеллирует в том числе к существующему опыту строительства аналогичных объектов. В данном случае акцентируется доверие к западным партнерам, выступающим авторитетами в области экологической безопасности и качества в целом.

«Не знаю, все равно же где-то же такие заводы строят, ставят такое же оборудование... Здесь все же хотели с западными инвесторами, поэтому подумали, что все тут будет качественно сделано» (ж.); «Говорят, в радиусе 5 километров не должно быть населения... но там оборудование все современное» (м.).

Действия, которые уже оказали или оказывают какое-либо влияние на среду в непосредственной близости к поселку, немногочисленны; они относятся к разведывательному и подготовительному этапам. Это бурение с забором проб пород по береговой линии и строительство дороги через сопку в непосредственной близости от старого поселка, потребовавшее взрывных работ.

«Они там (в тундре — Н. К.) испоганили, хватает там. Везде ходом этим на гусеницах» (м.); «Ну, рыбы, конечно, меньше стало. Когда вот начали взрывать. Вот когда начали дорогу делать... и мне кажется, вот рыба в том году как-то вот не отходила, оно все равно трясет, мне кажется» (ж.).

¹ Информанты — постоянные жители поселка, 46 человек в возрасте от 30–35 до 70–75 лет, большинство — 45–55 лет. В тексте указан только пол информантов.

В представлениях о предполагаемых последствиях на первое место выходит влияние на ресурсную базу, а именно на рыбные ресурсы, которые важны для многих семейных хозяйств. Это морская рыба (треска, пикша, сезонно мойва и др.) и проходная лососевая рыба, вылавливаемая в реках и озерах. Основным мотивом становится неизбежное уменьшение количества рыбы, в отдельных вариантах — полное ее исчезновение. В первую очередь это относится к лососевым, которым необходима чистая вода. Такого мнения придерживаются не только рыбаки, регулярно выходящие в море или занимающиеся рыбной ловлей в реках.

«Строительство, строительство дороги началось. Изыскание началось, бурильщики работают, а если еще нефтяники начнут, газовики, то я не знаю, что тут будет. — А что тут будет? — Даже рыбы красной не будет» (м.); «А рыба и не будет проходить, она уйдет. — Да? — Конечно» (м.); «Вначале были против люди, что рыба здесь выведется и все. Потом сказали, что ничего такого не будет. Так что не знаю, как оно получится. Что-то все откладывают, откладывают» (ж.).

Еще один чрезвычайно значимый ресурс — территориальный. Юридически вопрос о территории старого поселка был решен в процессе общественных слушаний в пользу населения. По состоянию на 2010 г., первоначальный план компании на использование этой земли под часть объектов был отвергнут, на территории сельского поселения не планируется строительство промышленных объектов. Однако тема возможного выселения поселка продолжает оставаться актуальной. Вопрос «земли» имеет разную значимость для жителей Лодейного (нового поселка), чья территория никого не привлекает, и Старой Териберки. Позиция первых позволяет им находиться ближе к индифферентной середине.

«Но они не планируют затрагивать сам поселок, то есть это будет где-то? — А кто их знает. Это тайна, покрытая мглой. Не знаю. В том поселке, наверное, выселят всех сюда» (ж.); «По их планам я поняла, что это не затронет поселок. Если затронет, то Териберку» (ж.).

Для населения старого поселка земельный вопрос, несмотря на то, что он был решен в пользу жителей, продолжает оставаться

открытым и порождать различные толкования. Тема выселения поселка поддерживается также пожилыми выходцами со становищ на р. Вороньей, которые были расселены в советское время. Современная ситуация воспринимается как возможное повторение осуществленной однажды политики властей. Именно риск отторжения территории дает максимальное поле для эсхатологических и отчасти маргинальных представлений: «Через три года все тут будет чистенько — бульдозера придут, все задавят» (м.). Основным мотивом становится страх того, что жители не владеют «своей» землей; кто именно будет вместо них распоряжаться этим ресурсом — вопрос отходит на второй план: это может быть компания, районный центр или «всесильная» Москва.

На существующие представления оказывают влияние различные внешние информационные потоки. Не ставя задачи детально проследить их, представляется интересным рассмотреть функционирование информации, приходящей из некоторых внешних источников. В первую очередь это данные экспертизы ОВОСС (Оценка воздействия на окружающую среду и социальную сферу), выполненной компанией. Также информация поступает от приезжающих в поселок представителей общественных и природоохранных организаций.

«Внутренние» экологические знания и представления существуют в основном в границах ресурсной тематики. Они связаны с природными ресурсами, значимыми в первую очередь для экономики поселка (рыбные ресурсы, ягоды). Эти представления, как правило, не включают знания о потенциальных рисках, связанных с развитием промышленности.

В качестве «внешнего» выступает привнесенное нерезидентами экологическое знание или же информационная, а иногда и агитационная деятельность внешних акторов, осознаваемая и отрефлексируемая как часть экологической тематики. Эти внешние акторы могут иметь разную степень легитимности и разный авторитет среди представителей местного сообщества и для поселковой администрации.

Именно во внешнем знании реализуется представление о рисках, связанных с энергетикой и шире — с промышленностью во-

обще. Их появление, более или менее активное, было инициировано проектом по освоению ШГКМ. Энергетическая промышленность видится в том числе и как источник рисков для человека и окружающей среды. Апелляция при этом идет к негативному опыту других регионов (например, авария на станции Белоснежка).

Можно говорить о некоторой корреляции между легитимностью работы внешних акторов (легитимностью информацию транслировать и запрашивать) и их официальным статусом как поставщика информации. И здесь по одну сторону оказываются компания (даже притом что информационный потенциал экспертизы ОВОСС практически не востребован) и процедура/механизм общественных слушаний (дающие возможность транслировать информацию). Столь же легитимными оказались бы госпрограммы, например образовательные, если бы таковые были. А по другую сторону — инициативы общественных и природоохранных организаций. Они официально не запрещены, но в то же время не имеют статуса предписанных; они, если можно их так обозначить, факультативны.

В данном случае для административной реакции не имеет принципиального значения, исходит ли эта инициатива от российской организации или от зарубежных соседей. Последние могут различаться методом работы и степенью эксцентричности в отстаивании своей позиции. Для местной власти ресурс пограничного положения (территориальные воды) может быть использован в том числе и для контроля за теми, кто транслирует новое для локального сообщества экологическое знание. Для населения зарубежные соседи обладают авторитетом экспертов в области экологического знания и природоохранной практики.

«Вот они рассказывали на примере, как у них хорошо, что к ним и власти прислушиваются. Хотелось бы, чтобы и у нас тут... Вот он говорит, давайте на примере, там “Белоснежка” или как-то так у них называлось в Норвегии, про нее рассказывали, там какая-то катастрофа или авария была, как последствия повлияли...» (ж.).

В целом возможно говорить о некоторой неопределенности и аморфности действующих лиц. Их аудитория извлекает из их деятельности совсем другие смыслы, чем те, которые вкладывали авторы. Становится важна не сама информация, а то, насколько эта информация может повлиять на их взаимоотношения с кем-либо из соседей по поселку и/или местной властью.

Диапазон реакций на новую экологическую информацию или агитацию в пользу какой-либо стороны колеблется в границах между равнодушием, раздражением и отчасти опасением, обусловленными усталостью от ожидания («не знаю», «пока тишина»), неоднозначным отношением власти к внешним информационным потокам и внешним запросам на информацию. Последнее относится к деятельности общественных организаций, то есть тех, кто не имеет легитимного (предписанного) статуса распространять или запрашивать подобную информацию. Для характеристики внешних представителей «экологического знания» характерна общая аморфность, самое точное определение, которое им дается — «группа».

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: приход крупной компании вызывает в большей степени экономические ожидания; экологические представления, связанные с возможным изменением экосистемы на ближайшей к поселению территории, в значительной степени ориентированы на экономически значимую ресурсную базу. Длительный период неопределенности относительно реализации проекта влияет на диапазон ожиданий от компании и на само отношение к перспективам развития. Такое отношение можно характеризовать как неопределенное, отчасти нейтральное и безоценочное.

Развитие промышленности в определенной степени инициирует приток внешнего экологического знания. Экологические представления самого локального сообщества, сосредоточенные главным образом на дальнейшей возможности в той же мере использовать имеющиеся в распоряжении биологические ресурсы и исходящие из опыта пользования этими ресурсами, существуют, если возможно их так определить, отдельно. Они незначительно пересекаются с информационным «поток», привноси-

мым извне, главным образом различными общественными организациями. Представления о рисках, принадлежащие к области внешней экологической рефлексии, в настоящее время еще не являются значимой частью экологических представлений в самом локальном сообществе.

Источники

ПМА 2012 (Кольский р-н Мурманской обл.).

Материалы экспертиз

Программа работ. Выполнение комплексных инженерных изысканий. 2009.

Проект плана по взаимодействию с заинтересованными сторонами, ESHIA. 2010.

Комплексное освоение ШГКМ. Обзорный план отчета по воздействию на окружающую среду, Scoring report. 2010.

Полигон твердых бытовых и строительных отходов в проектной документации. 2011. Программа изысканий Териберка_АМИГЭ_s.

Перечень мероприятий по ООС (вкл. ОВОС)_s.

Приложения к Перечню мероприятий (вкл. ОВОС)_s.

Библиография

Вилдавски А., Дейк К. Теории восприятия риска: кто боится, чего и почему? [Wildavsky Aaron, Dake Karl. Theories of Risk Perception: Who Fears What and Why] / пер. с англ. А. Д. Ковалева // THESIS. 1994. Вып. 5.

Гулдин Г. Л. Антропологи как культурные брокеры: пример Сахалина // ЭО. 2008. № 3. С. 47–54.

Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / пер. с англ. Р. Громовой. М., 2000.

Дуглас М. Окружающая среда и риск // Социологическое обозрение. 2007. № 3. С. 37–48.

Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза / отв. ред. Н. И. Новикова. М., 2008.

Наттэл М. Нефть, газ и права аборигенов в Арктике: опыт северной Канады // ЭО. 2008. № 3. С. 4–17.

Роон Т. П. Размышление о Сахалине и его жителях в свете транснациональных проектов добычи углеводородов на шельфе Охотского моря (к вопросу об этнологической экспертизе) // ЭО. 2008. № 3. С. 36–47.

Тысянчук М., Тулаева С., Ландонио Дж. Нефть и люди: самоорганизация в местных сообществах и переговоры с компаниями. СПб., 2012.

Abstract

This article focuses on representations of the environmental risks. This paper examines the perceptions and expectations of the township, which are associated with the development of the energy industry. This paper examines the effect of prolonged uncertainty in the economic and environmental expectations and views. The article deals with the functioning of the local community environmental knowledge specific to urban discourse. This article is written on the field materials gathered in the village in the north of the Murmansk region.